

Т.В. Смирнова

Из опыта работы краеведа-исследователя с архивами Сергиево-Посадского музея-заповедника

Моей задачей было написать историю Сергиево-Посадского историко-художественного музея-заповедника, а также сделать библиографический словарь его сотрудников. В основном я работала с архивами самого музея. Было интересно увидеть, как сказывались на жизни музея те или иные изменения политики партии и правительства. Известно, например, что в конце 1920-х и в 1930-х годах страна распродала музейные ценности. У всех на слуху утраты Эрмитажа. А из Сергиево-Посадского музея, созданного на основе ценностей Троице-Сергиевой лавры, в те годы ушло на продажу огромное количество икон, драгоценных камней, жемчуга, серебряных окладов и утвари, медных предметов и других вещей. Но как-то особенно зримым становится осязаемым масштаб потерь, когда встречаешь в документах распоряжение Особой части по Госфондам Московского ОКРФО: отобранные в музее церковные облачения упаковывать в тюки по 6 пудов. При этом приказано было, чтобы в каждом тюке находились предметы одного наименования – фелони, стихари и т.д., завернутые в напрестольные одежды, а тюки были перевязаны веревками крест-накрест. Правда, в то время (январь 1930 г.) в музее не нашлось человека, который бы мог выполнить распоряжение, так как никто не знал названий церковных облачений¹.

После войны началась кампания борьбы с космополитизмом. Тогда шутили: «Россия – родина слона». Казалось бы, причем тут музей с его собраниями церковного и народного искусства? Но вот беда – митрополит Платон в XVIII в. не предусмотрел грядущие перемены: не отказывался от подарков, созданных иностранными художниками и мастерами. И когда на научных совещаниях музейных работников в апреле и мае 1948 г. рассматривался новый план экспозиции искусства XVIII в., возникло

¹Архив СПМЗ. 1/57. Л. 6, 10.

требование создавать ее в соответствии с политикой борьбы против низкопоклонства перед Западом². А для этого было предложено произвести тщательный отбор предметов «по национальному признаку». Но если убрать большую часть иностранных вещей, это не понравится посетителям, а их число было главным показателем работы музея. Что же делать? И сотрудники предлагают включить хотя бы часть иностранных вещей, но объяснять посетителям, что акварели Кампорези выставляются, с тем чтобы показать, как на итальянского художника повлияло русское искусство, что отобраны для экспозиции ткани по рисункам французских мастеров, но сделаны-то они на отечественных фабриках, что китайские вещи используются для раскрытия темы торговых и культурных связей с другими странами. А в противовес тем портретам XVIII в., где видно следование традициям западных живописцев, выставить работы А.П. Антропова, который «побеждает иностранное влияние», и т.д. Некоторые сотрудники музея видели выход в том, чтобы немногие иностранные вещи поместить в русский «контекст» так, чтобы при этом сравнение было обязательно в пользу последнего, а народность видеть в искусстве крепостных мастеров – она де «прорывалась сквозь церковную тематику».

Рецидивы компании борьбы с космополитизмом 1947–1949 гг. случались и позже. Но та оглушительная критика, которой в 1952 г. подвергся единственный в городе болгарин – художник Цочо Стоянов, скорее всего, была связана еще с одним изменением политики. После разрыва с Югославией потеряла смысл провозглашавшаяся ранее идея единения славян. И критики высказывались о Стоянове так: «слишком эстетичный художник», «надо давать советский пейзаж, а у него французистость», «все пейзажи Стоянова проникнуты буржуазной идеологией», «это пережитки формализма, с которыми надо вести борьбу». А художник Н.Я. Беляев заявил: «... работники музея пропустили на выставку недостойные произведения. Нам не нужны такие выставки <...>. Партия требует, чтобы каждый художник подчинял свое

² Архив СПМЗ. 1/137. Л. 1–3, 11–13.

творчество задачам построения коммунизма <...>. В работах Стоянова имеется, безусловно, формалистический характер с оглядкой на Запад»³.

В 1932 г. была объявлена «безбожная пятилетка», провозгласившая цель: имя Божие должно быть забыто на территории страны. К этому времени на территории Лавры располагалось множество мелких учреждений и организаций, а также большое количество обычных жителей. Нагляднее всего результаты антирелигиозной пропаганды, которая велась все годы советской власти, выразились в том, как население стало относиться к Лавре. Руководитель Стройучастка по реставрации Лавры архитектор И.В. Трофимов, записал в акте обследования Лавры в конце 1943 г.: «Всем этим учреждениям и лицам, находящимся внутри прославленных седых стен, нет никакого дела ни до ценностей русского искусства, ни до истории русского народа. В этом отношении они подобны дикарям. На памятник у них взгляд своеобразный: жильцы рассматривают его как скопление различных, в прямом смысле, строительных материалов, способных удовлетворять их личные потребности, притом совершенно бесплатно и безнаказанно. <...>

Население жилого сектора около 2500 человек. Взрослое население рассматривает музей как собственность, и ценность его построек определяет лишь с точки зрения наличия в них материалов, пригодных для личных потребностей. Нужда в топливе – одна из них. Исторически-художественное значение деревянных элементов памятников преломляется в представлении аборигенов как чудесное, сухое и совершенно бесплатное топливо. Огромные опустошения произведены в крепостных стенах, башнях, на чердаках, в лоджиях, перекрытиях и пр. Еще совсем недавно – год–два тому назад в этих помещениях существовали окна, двери, полы, перегородки, перекрытия, лестницы и пр. В настоящее время остался лишь камень, и башни смотрят с укором вдаль пустыми обезображенными глазницами. Старатели не только вынимают древесину, не связанную с основными конструктивными

³Архив СПМЗ. 1/176. Л. 1–21.

элементами, но также и часть несущих конструкций, на которых покоятся шатровые покрытия башен. <...>

Расхищается с крыш и кровельное железо. Растаскивается также кирпич из стен и заготовок Стройучастка, песок, глина, известь, стекло из переплетов, ограждающих помещения реставрационных мастерских, и пр. Учреждения Загорска тоже доходят до полного цинизма – автомобили приезжают за кирпичом, остающимся от разборки при производстве реставрационных работ, и увозят материал в город, направляют рабочих в яму Стройучастка за известковым тестом, заготовленным для реставрационных работ.

Чудесный парк, существующий в Лавре, умирает. Исчез бесследно яблоневый сад в стенах Лавры, вырубленный жильцами-вредителями на дрова. Постепенно отдирают вокруг ствола кору, и деревья гибнут.

Подрастающее поколение вносит свою лепту. Через выбитые подростками стекла они проникли в Трапезную и изъяли фотографии, сложенные в алтаре после экспозиции. Та же участь постигла имущество эвакуированных, сложенное там же. Был ободран и унесен холст, обтягивающий 19 стендов, установленных для бывшей в апреле 1944 года выставки художников Загорска. (Фото потом продавались по 8 руб. за штуку на рынке). Кровли памятников, стекла подвергаются бомбардировке камнями. С белокаменных барьеров сначала сдирается кровельное железо в помощь родителям, промышляющим изделиями из онога на рынке, затем разбирается по частям белокаменная плита, покоящаяся на баляснике, а затем и сам балясник. Они не нужны, потому сбрасываются вниз, причем ряд глаз с любопытством следит за их “интересным падением”. <...>

Еще одна темная сторона существования музея – это чрезвычайное загрязнение не только территории, но и самих памятников заповедника. Все ящики для мусора переполнены и не вычищаются, санузлы разрушены, импровизированные помойки устраиваются на каждом шагу. Помои со всевозможными отбросами льются в ливнеспуски, засоряя их, выбрасываются в лоджии крепостных стен, подвалы, проезды, проходы и на площадки. Вся

территория и помещения зданий покрыты экскрементами, при этом не только полы, но даже лестницы, подоконники и прочие пустующие помещения. Эти позорные явления выходят не только за стены “Заповедника”, но даже и за пределы русского общества»⁴.

Сложившееся положение, конечно, в значительной степени объясняется тяготами военного времени, но его, безусловно, можно считать и результатом атеистической пропаганды. Вряд ли кому-либо до 1917 г. пришло бы в голову вести себя в Лавре подобным образом.

Требование борьбы с религией всегда оставалось актуальным, даже когда во время Великой Отечественной войны произошло некоторое сближение государства с Церковью. В Лавре после войны была возобновлена монастырская жизнь, монастырь и музей стали существовать на одной территории. Тут же возникли вопросы, как же в этих условиях вести антирелигиозную пропаганду. Уже в первые послевоенные годы директор объяснял, что экскурсовод является политагитатором, и сведения, касающиеся монастыря и Церкви, должны сообщаться только в порядке ответов на вопросы, так как Церковь отделена от государства. А сотрудники никак не могли отойти от прежних установок: на совещаниях призывали не идеализировать монастырь, не преувеличивать роль Сергия Радонежского, Пересвета, и Осляби и пр.⁵.

В 1948 г., когда временное потепление отношений с Церковью пошло на убыль, были приняты меры по дополнительному усилению религиозной составляющей экспозиции искусства XVIII в.: привлекли материал светского характера из ГИМ, что, как полагали, скрадывало культовое назначение экспонатов. Была также произведена реэкспозиция отдела древнерусского искусства: часть культовых предметов, принадлежавших Сергию Радонежскому, была изъята. В дальнейшем Главизо было выдвинуто

⁴ Архив СПМЗ. НА-1/66. Акт от 15.11.1944. Л. 2–22.

⁵ Там же. 1/127. Л. 35–40.

требование исключить из экспозиции митру митрополита Платона, плащаницу, кадило, оклады евангелий и т. п.⁶

В октябре 1961 г. состоялся XXII съезд партии, на котором Хрущев потребовал организовать атеистическую пропаганду среди всего населения страны, в том числе верующих, и обещал, как музейную редкость, показать по телевидению «последнего советского попа». Казалось бы – музей и так всеми силами борется с Церковью. Антирелигиозная составляющая есть и в экспозициях, и в экскурсиях, сотрудники читают атеистические лекции. Но пришлось отвечать еще большим усилением антирелигиозной пропаганды.

А вот то, что упомянутое партийное решение вызвало большое изменение работы по комплектованию фондов, известно гораздо меньше. Между тем сотрудники музея в 1960-е гг. провели огромную работу в связи с массовым закрытием церквей. Только за 1961–1962 гг. число действующих церквей сократилось более чем на 30%. В соответствии с приказом Министерства культуры РСФСР музей обследовал и закрытые, и действующие церкви для выявления и изъятия историко-художественных памятников. Эта работа проводилась ими не только в Подмосковье, но и в Тульской, Тамбовской, Костромской, Калининской, Владимирской областях. В тех случаях, когда в храмах, где служба продолжалась, находили уникальные произведения искусства, возбуждали ходатайство о передаче их в музей. Из закрытых церквей ценные вещи изымали сразу. Таким образом, только в 1961 г. в Загорский музей поступило почти 300 вещей, в том числе 30 икон, 149 книг старой печати, 113 предметов прикладного искусства из серебра, меди, дерева, парчи и пр. Эта работа продолжалась до начала 1970-х гг.⁷

Разгром Н.С.Хрущевым известной выставки в Манеже тоже сказался на работе музея. Произведений художников-«абстракционистов» музей не имел, но и в стороне не мог остаться. Еще в начале 1950-х гг. сотрудники музея разработали такие темы лекций, как «Образы Ленина и Сталина в советской

⁶ Архив СПМЗ. 1/142. Л. 9; 1/155. Л. 60.

⁷ Архив СПМЗ. НА–1/242. Л. 11, 36–37; 1/248. Л. 6–8; 1/254. Л. 2, 16, 17, 19; 1/266. Л. 12; 1/260. Л. 14; 1/278. Л. 8; 1/284. Л. 11; 1/290. Л. 19.

живописи», «Образ Ворошилова в советской живописи», «Советское искусство в борьбе за мир», «Образ советского человека в искусстве», «Основоположники русского национального пейзажа». Читали также лекции, посвященные отдельным художникам-передвижникам⁸. Теперь, борясь с формализмом и пропагандируя реалистическое искусство, добавили лекции на темы, которые не могли бы вызвать критики: «Творчество Репина», «Творчество Верещагина», «Бытовой жанр в русском изобразительном искусстве второй половины XIX века», «Рубенс и фламандская живопись», «Рембрандт и голландская живопись», «Испанская живопись XVII века»⁹.

Это только несколько примеров того, как менялась жизнь музея в зависимости от политики, проводившейся властями.

При написании историй музеев и других учреждений и организаций – учебных заведений, библиотек, заводов – опираться приходится в значительной степени не на государственные архивы, а на архивы этих учреждений. Стоит учитывать особенности таких архивов. Так, в Сергиево-Посадском музее-заповеднике имеется не один архив, а несколько: научный архив, включающий в себя работы сотрудников, (как опубликованные, так и неопубликованные), производственный архив (протоколы совещаний, переписка), архив отдела хранения, архив Комиссии по охране памятников искусства и старины Троице-Сергиевой лавры (1918–1925 гг.), архив отдела кадров (личные дела и директорские приказы). Последний сохранился частично: материалы довоенного периода утрачены. С самого начала для ссылок было исключительно важно определить, как делать ссылки на каждый из этих архивов.

Алфавитная картотека в музее велась только на научный архив. Оказалось, что относиться к ней надо с осторожностью. Так, особенно в последние годы, в научный архив помещали не только работы сотрудников музея, но и гостей, выступавших на конференциях, не делая соответствующих

⁸ Архив СПМЗ. 1/169. Л. 10; 1/178. Л. 5, 9; 1/242. Л.4.

⁹ Там же. 1/260. Л. 6.

отметок. Выделять работы сотрудников музея было важно при составлении биобиблиографического словаря. Часто в картотеке не было отмечено, опубликована ли работа. Необходимо было обращаться к музейной библиотеке и к авторам, потому что в ряде случаев авторы, получив один экземпляр издания, оставляли его у себя, а не передавали в библиотеку. Порой в картотеке отсутствовало указание числа страниц, так что невозможно было установить объем работы: это мог быть и большой труд, и текст буклета в 2–3 страницы. К сожалению, порой числящаяся в картотеке работа на самом деле в архиве отсутствовала.

Был и такой случай. В картотеке записана машинопись о реставрации стенописи Троицкого собора Лавры: огромный труд (600 с лишним страниц). Автором указан профессор Н. Сычев¹⁰. Но Н.П. Сычев в музее не работал. Обнаружилось, что он был только автором отзыва на отчет, а отзыв приплетен к тексту отчета и подписан Сычевым в конце последней страницы. А кто-то из ученых секретарей ошибочно записал Сычева как автора всего отчета. Истинный автор – П.И. Нерадовский, руководивший реставрацией в 1948–1952 гг., смог опубликовать лишь незначительную часть своей работы, именно ту, которая касалась методики укрепления штукатурного слоя, то есть, приемов, рецептов, реактивов, инструментов и пр.¹¹. Но исключительно важная часть осталась неопубликованной. А в ней содержались сведения о том, какой был найден выход в ситуации, когда во многих местах после снятия масляных записей XIX в. никакой живописи не сохранилось, какие мастера-художники работали, кто из специалистов входил в состав комиссии, созданной для руководства реставрационными работами, и т.д. Насколько успешно была выполнена работа видно из записи в акте приемки работ: «Комиссия отмечает, что принятые меры тонирования выпадов живописи и дополнения утраченных частей композиций в условиях настоящего памятника найдены правильно и выполнены тактично, в результате чего стенопись производит целостное

¹⁰ Архив СПМЗ. НА-211.

¹¹ *Нерадовский П.И.* Реставрация древней стенописи Троицкого собора Троице-Сергиевой лавры // Памятники культуры: Исследования и реставрация. М., 1960. Вып. 2. С. 139–190.

впечатление, а в сочетании с рублевским иконостасом воссоздает замечательный древний интерьер собора». Комиссия также указала, что при работе разных реставраторов удалось выдержать единый общий стиль росписи благодаря научному руководству художника П.И. Нерадовского. То, что эта важнейшая часть работы осталась неопубликованной, видимо, и привело к тому, что роль руководителя работы оказалась полузабытой. И в многочисленных книгах В.И. Балдина об архитектуре Лавры имя Нерадовского упоминается только мелким шрифтом в примечаниях¹².

Иногда приходится пользоваться не только документами музея, но и документами других архивов. Так, в архиве Сергиево-Посадского музея не оказалось планов и отчетов 1936 и 1937 гг. Но в ОПИ ГИМ имеется фонд известного переславского историка-краеведа М.И. Смирнова, который в январе 1937 г. вернувшись из ссылки, был принят в Загорский музей. Кроме того, в Переславль-Залесском музее нашлись фотокопии газетных статей по этому поводу, справок и т.п.¹³. Из этих материалов стало ясно, что тогда произошло. Оказалось, директор Загорского музея, признавшийся, что в музейных делах ничего не понимает, предложил Смирнову стать его заместителем по научной части. А незадолго до того в «Правде» была опубликована статья с критикой Демьяна Бедного, написавшего текст оперы-фарса «Богатыри». Смирнов понял, что наступило время, когда оказался востребован патриотизм¹⁴. И решил, что удастся «обелить Сергия Радонежского, заплеванного самым грубым образом»¹⁵. Он выступил с докладом о преподобном Сергии на Ученом совете. Часть сотрудников музея этим возмутилась. Появились статьи в газетах. В результате и Смирнов, и директор музея, и еще некоторые сотрудники были уволены.

¹² Частично удалось исправить эту несправедливость: *Смирнова Т.В.* Из истории реставрации стенописи Троицкого собора Лавры // Труды ГИМ. М., 2010. Вып. 190. С. 441–455.

¹³ Этот эпизод включен в: *Смирнова Т.В.* Из истории Сергиево-Посадского историко-художественного музея-заповедника: 1928–1941 гг // Труды ГИМ. М., 2005. Вып. 149. С. 414–429.

¹⁴ *Керженцев П.М.* Фальсификация народного прошлого // «Правда». 15.11.1936.

¹⁵ ОПИ ГИМ. Ф. 547. Ед. хр. 54. Л. 92–94, 97–98.

А в ЦГАМО нашлось письмо Загорского музея в Наркомпрос с просьбой вернуть иконы «Троица» Андрея Рублева и «Апостол Павел», переданные по распоряжению А.В. Луначарского в ГТГ в конце июня 1929 г.

Музей писал, что «зияющие пустоты в ансамбле постоянно возбуждают ряд вопросов, а объяснения и ответы становятся с каждым днем затруднительнее». Особенно смущали вопросы иностранцев, уже бывавших в ГТГ и не увидевших там знаменитой «Троицы», что давало им повод подозревать в изъятии икон политические мотивы. Этого письма в архиве музея не сохранилось¹⁶.

Людам интересно свое прошлое, а оно связано не только с историей страны, а со школой, институтом, где они учились, с предприятием, учреждением, где трудятся. Так что составление истории отдельных учреждений, организаций, предприятий – достойное приложение сил для краеведов, в том числе тех, кто не имеет большой возможности работать в центральных архивах.

¹⁶ Письмо зав. Загорского музея в Наркомпрос и копии в ОблМОНО и райком ВКП (б) от 27.08.1930. (ЦГАМО. Ф. 4341. Оп. 1. Д. 259. Л. 28).